
ЭВОЛЮЦИОННАЯ И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА

ЭКОНОМИКА ЗНАНИЙ И ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО В УСЛОВИЯХ УСТОЙЧИВОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

ХОМИН Олег Владимирович, преподаватель кафедры экономической теории и экономических методов управления, Харьковский национальный университет им. В.Н. Каразина

Начало XXI века ознаменовалось тем, что ускоряются процессы глобализации и быстрыми темпами в мире осуществляется переход к экономике знаний, к образовательному обществу. С другой стороны, все в большей мере осознается тот факт, что успешно решать современные проблемы, которые во весь рост встали перед человечеством, можно только в рамках концепции устойчивого развития как развития, не допускающего катастроф, обеспечивающего согласованное, органичное взаимодействие человека, общества и Природы. Поэтому важнейшей задачей исследователей, в частности экономистов-теоретиков, становится анализ экономики знаний в русле стратегии устойчивого экономического развития, чему и посвящена данная статья.

Нобелевские лауреаты о новой роли знания

Формирование экономики знаний происходило на протяжении нескольких веков, когда человек, благодаря своим размышлениям и знаниям, преобразовывал вещества природы для удовлетворения своих потребностей. Однако темпы таких преобразований были разными. Сначала они были крайне незначительными, но начали ускоряться в XIX-XX столетиях. Особенно этот процесс стал наблюдаться с 50-х годов XX века.

В этой связи обратимся к тем идеям, которые высказывали нобелевские лауреаты по экономике о значении знания для экономического роста и хозяйственного развития общества. Естественно, что практически все нобелевские лауреаты внесли свой значительный вклад в развитие экономической науки, способствуя более глубокому и всестороннему познанию хозяйственных процессов, объяснению тех или иных экономических явлений. Но среди них были такие, которые непосредственно рассуждали о возрастающей роли знаний и науки, об их социальных последствиях.

Значительный вклад в разработку интересующих нас идей внес Саймон Кузнец, который начинал свое профессиональное образование в Харьковском университете, а в 1971 году получил Нобелевскую премию по экономике «за эмпирически обоснованное толкование экономического роста, которое привело к новому, более глубокому пониманию как экономической и социальной структуры, так и процесса развития». В своей нобелевской лекции С. Кузнец определил, что экономический рост страны – это долговременное увеличение возможностей удовлетворять все более разнообразные потребности населения в продуктах экономической деятельности. «Эта возрастающая способность основана на развитии техники и технологии и на необходимых изменениях в институциональной структуре и идеологии»¹. Утверждая, что все три составляющие определения важны, особое

---

¹ Саймон Кузнец. Современный экономический рост: результаты исследований и размышления // Нобелевские лауреаты по экономике: взгляд из России. Ред. акад. РАЕН,

внимание он уделяет технологии как необходимому источнику экономического роста, которая является всего лишь потенциалом, необходимым условием, а поэтому одной ее для обеспечения экономического роста недостаточно. «Для того, чтобы технология использовалась эффективно и широко и чтобы ее использование стимулировало ее собственное развитие, - говорит С. Кузнец, - необходимы соответствующие институциональные и идеологические условия, которые обеспечили бы должное использование нововведений, генерируемых возрастающим объемом знаний человечества»². Здесь четко прослеживается мысль, что именно генерация новых знаний, которые быстро возрастают в объеме, является тем фундаментальным основанием, на котором только и возможен экономический рост. При этом С. Кузнец вводит в научный оборот понятие эпохальных нововведений: «основные прорывы в развитии человеческого знания, те, которые явились главными источниками долгосрочного экономического роста и широко распространившиеся в мире, можно назвать эпохальными нововведениями. И изменчивый курс экономической истории можно, пожалуй, разделить на экономические эпохи, каждая из которых определяется эпохальным нововведением с присущими ей характеристиками роста»³.

Рассматривая современный ему экономический рост как особую эпоху в экономическом развитии, С. Кузнец выделяет новый источник роста, новое эпохальное нововведение, которое придало экономическому развитию революционное ускорение. «Этим источником роста является появление современной науки как основы развития технологии – прорыв в эволюционном развитии науки, который создал потенциал для развития технологии во много раз больший, чем существовал до этого»⁴. Значение этого факта, по мнению С. Кузнеца, двояко. С одной стороны, высокие темпы роста не только вызывают быстрые изменения в экономической структуре общества, но и данные изменения, в свою очередь, приводят к быстрым изменениям других аспектов общественной жизни – процессов формирования семьи, урбанизации, представлений человека о его роли в обществе и критериев оценки успеха. С другой стороны, «массовое применение технологических нововведений, составляющее в значительной степени суть современного экономического роста, тесно связано с дальнейшим прогрессом науки, который, в свою очередь, образует основу дальнейшего технического прогресса. Хотя эта проблема еще требует глубокого изучения, достаточно ясно, что массовое применение нововведений (многие из которых основаны на недавних научных открытиях) обеспечивает положительную обратную связь. Применение нововведений не только дает дополнительные экономические ресурсы для фундаментальных и прикладных исследований с долгим сроком разработки и значительными затратами капитала, но, что следует отметить особо, позволяет создавать новые эффективные средства для исследований и дает дополнительную информацию об изменениях в природных процессах, происходящих под влиянием изменений в производстве»⁵. Поэтому, по его мнению, многие промышленные предприятия в развитых странах следует рассматривать как лаборатории по исследованию природных процессов и как центры разработки новых инструментов, чрезвычайно важных для прикладных и фундаментальных разработок в сфере науки и техники.

С. Кузнец обосновывает вывод, что два последних столетия явились периодом колоссального увеличения накопленного с помощью фундаментальной и прикладной науки знания, которое стало определяющим дополнительным фактором в создании нововведений, а современный экономический рост должен рассматриваться как отражение взаимосвязи, поддерживающей высокие темпы прогресса, через положительную обратную связь между

проф. Ю.В. Яковец. – СПб: Изд-во «Гуманистика», 2003. – С. 104.

² Там же. - С. 104.

³ Там же. - С. 105.

⁴ Там же. - С. 108.

⁵ Там же. - С. 110.

массовым применением полученных знаний и дальнейшим увеличением объема этих знаний.

Важным моментом в научном наследии С. Кузнецца, на наш взгляд, являются его мысли-предостережения о том, что «технологические нововведения, особенно основанные на недавних крупных изобретениях, представляют собой дорогу в неизвестное, нечто, что не может быть оценено в полной мере до тех пор, пока массовое их распространение не выявит полный спектр прямых и косвенных последствий»⁶. В этой связи он говорит, что особый интерес представляют «сюрпризы» – те неожиданные эффекты, которые могут быть и позитивными, и негативными. Неожиданные негативные последствия невозможно предвидеть на ранних стадиях их распространения и их нельзя рассматривать как случайные отклонения, ибо «они имманентно присущи процессу технологических (и социальных) нововведений в той мере, в которой он содержит элемент неизвестности. Более того, распространение нововведений – процесс сложный и долгий, который невозможно спрогнозировать, оказывающий вначале влияние на экономику, способный затем вызвать отклики в других процессах. Это, в свою очередь, меняет условия, в которых происходит воздействие нововведений на жизнь людей, и ставит новые проблемы, связанные с необходимостью к ним приспособляться»⁷. Однако, по мнению С. Кузнецца, постоянно возникающие негативные последствия всегда преодолевались и любая такая проблема будет носить временный характер. При этом, хотя некоторые аспекты развития обязательны, так как являются незаменимыми компонентами, но их параметры в разных странах наверняка будут различными, ибо многие специфические экономические особенности будут настолько зависеть от внедряемых в социальной и политической сферах нововведений, что простая экстраполяция прошлых тенденций, как говорит С. Кузнец, в высшей степени рискованна.

Важный вклад в исследование роли знаний в современном мире внесли нобелевские лауреаты Т.-В. Шульц (1979 г.) и Г.-С. Беккер (1992 г.), которые разрабатывали теорию человеческого капитала. Под человеческим капиталом понимаются имеющиеся у человека знания, навыки, энергия, которые могут быть использованы в производстве товаров и услуг и служить источником будущих доходов и удовольствий. Человеческий капитал является составной частью самого человека. Но для того, чтобы человеческий капитал соответствовал требованиям современного производства, необходимы инвестиции в здоровье, образование, поиск работы, получение необходимой информации, профессиональная подготовка и переподготовка. Т.-В. Шульц исходит из того, что вклад труда в выпуск продукции становится решающим, ибо производственные возможности человека превышают все другие формы богатства, вместе взятые. Особенность человеческого капитала, по Шульцу, состоит в том, что независимо от источников формирования – личных, государственных или частных, его использование контролируется исключительно самим человеком. Поэтому высокий уровень образования, возможность овладения новейшими знаниями становится необходимой базой для повышения показателей современной экономической деятельности, а малоквалифицированный работник может стать капиталистом не благодаря диффузии собственности на акции корпораций, но путем усвоения знаний и повышения квалификации, ценность которых резко растет. Необразованность он обосновывал как наиболее серьезный фактор, тормозящий экономический рост.

Г.-С. Беккер в своих исследованиях исходил из того, что вложение средств в образование и профессиональную подготовку – рациональное действие, основанное на сопоставлении всех выгод и потерь, а «инвестиции в человеческий капитал, - делает он вывод в своей Нобелевской лекции, - являются главным фактором, способствующим экономическому росту»⁸.

⁶ Там же. - С. 113.

⁷ Там же. - С. 114.

⁸ Беккер Г.С. Человеческое поведение: экономический подход. Избранные труды по экономической теории. – М.: ГУ ВШЭ, 2003. – С. 596.

Ф. Хайек, один из выдающихся экономистов и философов XX в., лауреат Нобелевской премии 1974 г. за вклад в теорию экономических колебаний, сравнительный анализ эффективности различных экономических систем, а также исследования правовых основ экономики, последовательно развивал и обосновывал тезис о принципиальной ограниченности человеческого знания, в том числе и научного. Он утверждал, что знание существует не только в виде законченного набора сведений, воплощенных в формулах или цифрах. Основное знание «рассеяно» среди людей, каждый из которых обладает частицей этого знания, зачастую имеющего неформальный, интуитивный характер. Следствие этого тезиса - невозможность выработать объективную всеобъемлющую картину мира и экономики, поскольку любая информация о системе хуже и беднее той, которая в ней циркулирует.

Концепцию «рассеянного знания» Ф. Хайек считал одним из основных своих открытий. Центральная часть этой концепции - представление о рынке как особого рода информационном устройстве, осуществляющем выявление, использование и координацию знаний миллионов независимых друг от друга людей. Только рынок способен обеспечить синтез предельно конкретного знания с предельно абстрактным. Конкретное знание - практические навыки и умения, мастерство, профессиональные приемы и привычки. Сгустки абстрактной информации - цены; которые позволяют каждому вписать свои конкретные специфические знания в общую систему знаний. Конкурентный рынок, как никакая другая система, позволяет эффективно использовать большой объем конкретных и абстрактных знаний, рассеянных среди членов общества, не имеющих друг о друге никакой информации.

«Экономическая проблема - это проблема наилучшего использования имеющихся у нас ресурсов... наша задача - обеспечить наилучшее использование *знаний*, которыми обладают реально существующие люди»⁹. Здесь представляется уместным подчеркнуть, что если для И. Шумпетера главное в экономическом развитии - это технологические инновации и конкуренция на их основе, то Ф. Хайек привлекает внимание к информационной компоненте, особенностям знания как экономического ресурса. Он настойчиво критикует несоответствующие реальным инновационным процессам допущения неоклассической теории о наличии у всех агентов рынка полной информации.

Понимая конкуренцию в качестве процедуры открытия рассеянного в обществе системного знания о предпочтениях потребителей и технологических возможностях производителей, Ф. Хайек утверждает, что социальный оптимум поведения индивидуумов формируется через наиболее полное использование именно фрагментарного знания. Дополняя идею разделения труда идеей о разделении знаний, Ф. Хайек отвергает возможность наличия у каждого индивидуума полной информации: он исходит из того, что знание неизбежно частично.

Поведенческий аспект приобретения и использования знаний определяется тем, что восприятие экономических явлений субъективно и часто бывает ошибочным. Ф. Хайек объясняет это существованием асимметричности информации, несовершенностью конкуренции и издержками адаптации. Ошибочные представления систематически отражаются на экономическом поведении хозяйствующих агентов, что в свою очередь определяет формирование макроструктуры, изменяет характер максимизации целевой функции и равновесия. Ф. Хайек подвергает глубокой критике представления неоклассиков о конкуренции как о некоем стабильном состоянии и считает теорию «совершенной конкуренции» далекой от реальности. В статье «Конкуренция как процедура открытия» (1968)¹⁰ он пишет, что получение новых знаний в ходе конкурентной борьбы связано с тем, что производители открывают новые потребности, а потребители - новые средства их

⁹ Хайек Ф. Смысл конкуренции (1946). Цит. по: Индивидуализм и экономический порядок / Пер. с англ. - М.: Изограф, 2000. - С. 112.

¹⁰ См. русский перевод в журнале "Мировая экономика и международные отношения" (1989, № 12).

удовлетворения, и с тем, что все экономические агенты получают новые знания о самих себе, об уровне своих возможностей по созданию или удовлетворению потребностей. Следовательно, всякое искусственное ограничение конкуренции сокращает объем знаний, доступных обществу. Поэтому проблему модификации правовых условий конкуренции надо решать без нежелательного предоставления государству полномочий на прямое вмешательство. Вместе с тем защиту конкурентного порядка нельзя сводить к механизмам *laissez-faire*, т. е. чистого свободного предпринимательства, повторению общих положений о неприемлемости государственного вмешательства.

Решение этих сложных вопросов требует постоянных интеллектуальных усилий для выработки более совершенных рамок правовой системы. Так, проблему предотвращения монополизации и сохранения конкуренции Ф. Хайек считает необходимым распространить и на некоторые области, в которых понятие собственности связано с интеллектуальным капиталом (патенты, авторское и издательское право, товарные знаки и т.п.). «Мне кажется несомненным, что в этих областях рабское применение понятия собственности, как оно было разработано для материальных вещей, во многом поощрило рост монополий, и здесь могут потребоваться коренные реформы, чтобы заставить конкуренцию работать. В сфере промышленных патентов, в частности, нам надо серьезно исследовать, является ли выдача монопольной привилегии действительно наиболее подходящей и эффективной формой вознаграждения за несение особого рода риска, связанного с инвестициями в научные исследования»¹¹.

Существует, по мнению Ф. Хайека, прямая связь между этими процессами и научно-техническим развитием отдельных государств в широкой исторической перспективе: «в императорском Китае... огромное продвижение вперед к цивилизации и сложной промышленной технологии происходило в периодически повторявшиеся "эпохи смут", когда правительственный контроль временно ослаблялся. ...В Египте государственный социализм господствовал, начиная с восемнадцатой династии, в течение почти двух тысяч лет, и преимущественно им объясняется застойный характер египетской цивилизации. ...Точно так же по поводу возрождения европейской цивилизации в период позднего средневековья можно сказать, что распространение капитализма - и его европейской цивилизации - своим происхождением обязано политической анархии. К современному индустриализму пришли не там, где правительства были сильнее, а в городах итальянского Возрождения, Южной Германии, Нидерландов и, наконец, в Англии с ее мягкой системой правления, т. е. там, где правили горожане, а не войны»¹². Тем самым Ф. Хайек обосновывает вывод, что чем менее жестким и централизованным является государственное управление, тем больше шансов у общества на развитие спонтанных процессов научно-технического развития.

Критикуя «пагубную самонадеянность» рационалистов-технократов, Ф. Хайек противопоставляет ей особые свойства расширенного рыночного порядка как способа социальной организации, обеспечивающей всесторонний прогресс цивилизации и настаивает на ограниченности возможностей научного знания и попыток его использования для рационализации общественного устройства путем реализации государственной политики, в том числе научно-технической. Но, с другой стороны, он выступает против всеобщего засилья рынка, высказывается против полной свободы рыночного механизма. Ф. Хайек четко определяет сферы, где государственное регулирование неизбежно и может быть весьма эффективным при опоре на научный подход.

Таким образом, можно сделать вывод, что идеи Ф. Хайека имеют важное значение для современной теории инновационной деятельности. Он подробно и обоснованно описывает такие важные особенности экономического развития как неопределенность, ограниченность информации, несовершенство знания, составляющие основу инновационного процесса; выделяет динамический аспект конкуренции - нацеленность в неизвестное будущее,

¹¹ Там же. - С. 121.

¹² Там же. - С. 63.

продвижение к которому неотделимо от риска; связывает способность человека к творчеству с объемом доступного неявного знания, делающего возможным продвижение вперед.

Тем самым можно утверждать, что в своих исследованиях многие нобелевские лауреаты предвосхитили формирование экономики знаний и обосновали много идей относительно принципов, особенностей и способов ее функционирования. Сегодня наступил момент, когда экономика знаний становится реальностью, а ее всестороннее изучение – важнейшей задачей экономической науки.

Экономика знаний: к определению содержания

В научной литературе все больше встречается понятие новой экономики. Суть его раскрыла О.Н. Антипина. Она пишет, что «новая экономика» – это «экономика знаний», «основанная на знаниях экономика», «знание-интенсивная экономика» и т.п. Новой ее делает то, что именно знания (а не какой-либо другой из наиболее существенных факторов производства – земля или капитал) в виде информации как систематизированных данных убаыстряющимися темпами меняют облик современного мира»¹³. Хотя дискуссия длится уже несколько лет и само понятие на бытовом уровне кажется всем понятным, но что такое «экономика знаний» в научном плане пока четко не определено. Существуют его разные трактовки. Специалисты Всемирного банка определяют экономику знаний как экономику, которая создает, распространяет и использует знания для ускорения собственного роста и повышения конкурентоспособности»¹⁴. Авторы «Доклада о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации за 2004 год. На пути к обществу, основанному на знаниях» присоединяются к данному определению, но добавляют, что «это такая экономика, в которой знания обогащают все отрасли, все сектора и всех участников экономических процессов. Это одновременно экономика, которая не только использует знания в разнообразной форме, но и создает их в виде высокотехнологичной продукции, высококвалифицированных услуг, научной продукции и образования»¹⁵.

В литературе также дебатруется вопрос о том, какое место занимает экономика знаний в процессе развития человеческого общества: является ли она переходом от индустриального общества к новой эпохе общественного развития или она выступает всего лишь как следующий этап развития индустриального общества. Как пишет В. Макаров, «ряд экспертов считает, что экономика знаний существенно отличается от экономики индустриального общества, когда накопление богатства было связано с материальными затратами; по их мнению, благосостояние зависит теперь больше от наукоемких активов – опыта, ноу-хау, знаний. По мнению других, в ней целесообразнее видеть лишь следующую фазу эпохи индустриального развития, а благосостояние неизменно зависит главным образом от производственных процессов, тогда как нематериальные активы могут оказывать воздействие на уровень конкурентоспособности»¹⁶.

В этой связи следует указать, что производство и накопление все еще в большинстве случаев ассоциируется с индустриализацией, но меняется сам характер трудовой, производительной деятельности самого человека. Если в предшествующие десятилетия в деятельности человека превалировали физические контакты с сырьем, инструментами и машинами, то сегодня успех производственной деятельности определяется главным образом

¹³ Антипина О.Н. Загадка «новой экономики знаний» («Парадокс Солоу») // Вестник Моск. ун-та. Сер. 6. Экономика. – 2000, № 6. – С. 3

¹⁴ About Knowledge Economy: Frequently Asked Questions – <http://www.developmentgateway.org/knowledge>

¹⁵ Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации за 2004 год. – М.: Весь Мир 2004. – С. 19.

¹⁶ Макаров В. Контуры экономики знаний // Экономист, 2003, № 3. – С. 3.

знаниями человека и его взаимодействием с интеллектом других людей или его компьютерным суррогатом. В этой связи следует согласиться с Дж. Ходжсоном в том, что «любое экономическое действие осуществляется в какой-то материальной, природной среде, Но сейчас решающую роль здесь играют переговоры между “актерами” по поводу информации – ее интерпретации, смысла и использования. Производство всегда больше, нежели манипуляции с материальными объектами. Труд требует выработки собственных суждений, а любое суждение подразумевает распространение как явных, так и неявных знаний»¹⁷. Это означает, что в экономике знаний происходит кардинальный сдвиг от чисто технических навыков, характерных для традиционного индустриального производства, к интеллектуальным, где господствует умственная деятельность, а обработки символической информации (“власть символов”) становится главным содержанием трудовой деятельности человека.

С другой стороны, следует указать на изменение роли самого человека в новых условиях. Если ранее характерным было взаимодействие человека с природой, то сегодня ситуация изменилась коренным образом. «Творческий труд, - подчеркивает академик НАН Украины А.А. Чухно, - направляется не столько на модификацию вещества природы, сколько на изменение самого человека, усовершенствование его и как субъекта производства, и как субъекта отдыха. Причем производство и отдых неразделимы ни во времени, ни в пространстве, ибо они способствуют внутреннему усовершенствованию самого индивида, но мера, какой они служат такому усовершенствованию, зависит от самого человека, от его устремлений к развитию. Иначе говоря, развитие человека осуществляется не так через изменения социальных структур, как в результате духовной и интеллектуальной эволюции индивидов. Таким образом, основным источником прогресса становится внутреннее развитие человека, его возможность самоусовершенствования, генерирования знаний, способность изменить окружающий мир»¹⁸.

Анализ литературы последнего десятилетия, которая посвящена исследованию проблемы знания и информации, показывает, что, с одной стороны, нельзя ставить знак равенства между знанием и информацией; с другой стороны, что пока еще нет однозначной трактовки самого знания в силу его многоаспектности и многоуровневой структуры. Информация объявляется общим началом, всеобщим, универсальным свойством всех существующих вещей. «**Информация** в самом широком смысле слова, - утверждает Р.М. Нижегородцев, - есть всеобщее, универсальное свойство всех вещей, выражающее характер и степень их упорядоченности. Это и есть то общее начало, которое объединяет собою материю и дух, вещество и энергию, бытие и сознание»¹⁹, так как «дух и материя суть различные воплощения единого и всеобщего начала – информации. Дух и материя во всех своих формах и проявлениях всецело определены информацией, которую они несут на себе и выражением которой они являются... Я полагаю, что мир един потому, что он *информативен* и определен единым, целостным и всеобщим источником – информацией ...дух и материя развиваются по одним и тем же законам, а именно – по законам развития Информационной Вселенной, различными проявлениями которой они выступают. Эти законы внеположены по отношению как к духу, так и к материи и обусловлены характером и внутренней логикой *информации*, воплощениями которой являются материя и дух»²⁰. Однако здесь уже возникает вполне закономерный вопрос: если информация – свойство всех

¹⁷ Ходжсон Дж. Социально-экономические последствия прогресса знаний и нарастания сложности // Вопросы экономики, 2001, № 8. – С. 35

¹⁸ Чухно А.А. Постіндустріальна економіка: теорія, практика та їх значення для України. – Київ: Логос, 2003. – С. 277

¹⁹ Нижегородцев Р.М. Информационные основы экономического роста // Техно-экономическая динамика России: техника, экономика, промышленная политика. – М.: ГЕО-Планета, 2000. – С. 5.

²⁰ Там же. - С. 6.

вещей, то что же тогда первично: информация или вещи? «Сразу же возникает трудность и противоречивость исходной посылки такого подхода: в приведенных рассуждениях первично утверждается, что информация является **свойством** всех **вещей**; затем же – что она есть их общее **начало**, т.е. то, что существует **до вещей**, из чего они только **начинаются**. Если она лишь свойство вещей, то вещи по отношению к ней первичны, а значит, она не может быть их началом. Если же началом все же выступает информация, то возникает проблема ее изначального определения безотносительно к вещам. В рамках науки такое определение вряд ли возможно, но в рамках веры – вполне допустимо»²¹.

При этом, на наш взгляд, важно подчеркнуть, что в рамках науки может существовать спор по указанному вопросу, но если исходить из практических нужд развития человека и общества, то все же следует помнить, что, с одной стороны, «поступающая в мозг информация из внешней среды опосредствуется мышлением: представления людей о реальности определяются их мыслительными конструкциями, то есть моделями познания»²², т.е. чтобы информация «оживила», «заработала», ее надо осознать, осмыслить. Только «пропущенная» через человеческое сознание и мышление информация становится производственным ресурсом, фактором развития. С другой стороны, лимитирующим фактором общественного производства информация не может быть, им является знание. На это указывают ряд исследователей. Так, В. Иноземцев, на наш взгляд, вполне правомерно утверждает, что *«информация не может быть признана фактором, схожим по своим свойствам с землей и капиталом – важнейшими производственными ресурсами доиндустриальной и индустриальной эпох. Земля и капитал противостоят труду, т.е. деятельности, как объективные факторы. Вступая в процесс производства, они взаимодействуют с деятельностью, а по окончании его сохраняют свою вещную форму. Напротив, информация не может быть применена, не будучи осознана; таким образом, чтобы вступить в процесс производства, она должна утратить свою объективированную форму и принять форму субъективную, превратиться из информации в знания. Таким образом, основной фактор современного производства, в отличие от прежних социальных форм, оказывается неотделимым от его субъекта, и по завершении производственного процесса новые знания, полученные работником, становятся его неотъемлемым достоянием, а не возвращаются к собственнику исходной информации. В результате *собственники знаний становятся de facto основным производительным классом в постиндустриальной экономике*»²³, а начавшаяся прежде всего в развитых странах общественная трансформация означает «трансформацию общества, построенную вокруг обладателей капитала, в общество, построенное вокруг обладателей интеллекта и знаний»²⁴. Такой же процесс наблюдается и в транзитивных обществах, которые осознают необходимость формирования экономики знаний.*

В отечественной и зарубежной литературе можно встретить множество подходов к проблеме соотношения информации и знания. Мы разделяем точку зрения, согласно которой отличительной особенностью информации является самостоятельность способа ее существования, самостоятельность как по отношению к ее производителю, так и по отношению к потребителю. «В отличие от информации знание представляет собой непосредственный способ существования сознания, то есть способ, неотделимый от своего

²¹ Задорожный Г.В. Интеллектономика как мировоззрение нового века // Социальная экономика, 2002, № 3. – С. 12.

²² Мясникова Л. Российский менталитет и управление // Вопросы экономики, 2000, № 12. – С. 38.

²³ Иноземцев В.Л. Постиндустриальное хозяйство и «постиндустриальное» общество // Общественные науки и современность, 2001, № 3. – С. 147.

²⁴ Иноземцев В. «Вечные ценности» в меняющемся мире // Свободная мысль – XXI, 2001, № 8. – С. 52.

субъекта»²⁵. В этой связи, с одной стороны, возникает новая научная проблема в поле экономической теории, на которую уже указали отдельные ученые²⁶. Она сводится к тому, что в условиях формирования экономики знаний изменяется сам предмет труда в человеческой деятельности: им становится сознание человека.

С другой стороны, конкретизируется определение самого знания как общественного феномена. Здесь мы соглашаемся с Р.М. Нижегородцевым относительно его определения знания и его всеобщности. «Знание, - пишет он, — историческая характеристика материи, выражающая характер и степень упорядоченности ее отражения в индивидуальном или общественном сознании»²⁷. Такое определение знания позволяет показать его всеобщность, которая проявляется в трех моментах²⁸. Во-первых, знание всеобщее как конкретно-всеобщее, всеобщее в себе, внутри себя, всеобщее по своему вещественному содержанию. Знание об объективном мире едино, ибо система причинно-следственных связей, отражаемых им, неразрывна, залогом чего выступает информационное единство мира. Это качество всеобщности выражается словом «совокупное». Во-вторых, знание всеобщее как абстрактно-всеобщее, всеобщее для нас, вовне себя, всеобщее по своей общественной форме. Это значит, что всякое знание, даже если это знание отдельного индивида, общественно по своему существу, как абстрактно-всеобщее, как общественно полагаемое качество. Это качество всеобщности знания фиксируется словом «общественное». В-третьих, знание всеобщее как сущность, как предмет и продукт бытия критически мыслящего разума, как гносеологическая основа познающе-преобразующей практической деятельности человека, составляющей действительную материальную основу единства бытия и сознания.

Отсюда следует, что знание предстает как объективированное идеальное, но вместе с тем практическое, воплощение всеобщей производительной силы человека, выражающее существенный и всеобщий характер процесса его предметной практической деятельности; тем самым, оно выступает как совокупное общественное знание.

Такое понимание знания, на котором базируется становящаяся экономика знаний, ведет к кардинальному изменению главной задачи экономической науки. Если раньше наука исследовала производственные отношения преимущественно в рамках материального индустриального производства, то теперь поле ее анализа смещается все больше в сторону нематериального, а духовного производства, где господствуют духовные, интеллектуальные, знаниевые отношения, т. е. в сферу умственного труда, которая становится определяющей в развитии общественного производства. Будущее экономической теории все больше связывается с развитием теории экономики знания. А. Нестеренко пишет по этому поводу: «В конце XX века все более настойчивыми стали попытки преодоления дихотомии «субъект-объект» и производных от нее категорий и понятий в рамках теории экономики знания. Если эти попытки увенчаются успехом, то в XXI веке мир получит принципиально новую экономическую теорию, которая будет адекватна новой информационной цивилизации. Но пока усилия в этом направлении не смогли разрушить корпус существующей экономической науки и вряд ли преуспеют здесь, по крайней мере, до тех пор, пока новая цивилизация не обретет отчетливые и устойчивые формы»²⁹. Эту же мысль высказал за несколько дней до своей кончины Н.Н. Моисеев, заявив, что «новая цивилизация должна начаться не с новой экономики, а с новых научных знаний и с новых образовательных программ... Новые моральные принципы должны войти в кровь и плоть Человека. Для этого необходимо иметь

²⁵ Чечнев Б.А. Информация как проблема знания. – К., 1989. – С. 15

²⁶ См. Задорожный Г.В., Радченко Я.Ю. Социальная экономика как научная область постнеклассического экономического знания // Социальная экономика, 2003, № 4. – С. 36.

²⁷ Нижегородцев Р.М. Теоретические основы информационной экономики. – Владикавказ: Изд-во «Проект-пресс», 1998. – С. 31.

²⁸ Там же. – С. 31-32.

²⁹ Нестеренко А. О чем не сказал Уильям Баумоль: вклад XX столетия в философию экономической деятельности // Вопросы экономики, 2001, № 7. – С. –17.

не только специальное, но и гуманитарное образование. Я убежден, что XXI век будет веком гуманитарного знания, подобно тому как XIX век был веком пара и инженерных наук»³⁰.

Тем самым мы вполне обоснованно можем утверждать, что не информация, а именно знание начинают играть определяющую роль в развитии общественного производства, а поэтому понятие «экономика знаний» имеет более глубокий смысл, чем термин «информационная экономика». Информация может превратиться в социальный феномен лишь посредством интеллекта, разума, сознания человека. Она может стать производительной лишь тогда, когда ее обработает человеческое знание. «Ныне, - писал в начале 90-х годов XX века Т. Сакайя, - мы вступаем в новый тип цивилизации, в которой движущей силой являются ценности, создаваемые знанием, и именно поэтому я называю этот этап обществом, базирующимся на создаваемых знанием ценностях (knowledge-value society)»³¹. Ему вторит ведущий исследователь современности М. Кастельс, говоря о том, что информационализм является новым способом развития, «который изменяет, но не замещает господствующий способ производства»³². Здесь следует акцентировать внимание на то, что «промышленное производство не только остается весьма значимым, но в определенной степени становится даже более важным, чем когда бы то ни было ранее, хотя технологические основы его и меняются. Не надо забывать, что даже производство программного обеспечения, хотя оно и отличается весьма существенно от сборки оборудования или автомобилей, остается одной из отраслей промышленности»³³.

С другой же стороны, «обещанием информационной эпохи является освобождение беспрецедентной производительной возможности силой разума. Я думаю – следовательно, я произвожу. Поступая таким образом, мы будем иметь досуг для экспериментов с духовностью и возможность примирения с природой, не жертвуя материальным благосостоянием наших детей. Мечта Просвещения – что разум и наука решат проблемы человечества – в пределах досягаемости. Однако существует экстраординарный разрыв между нашей технологической переработанностью и нашей социальной недоразвитостью. Наши экономика, общество и культура построены на интересах, ценностях, институтах и системах представлений, которые в общем ограничивают коллективную креативность, конфискуют плоды информационной технологии и отклоняют нашу энергию в русло самоуничтожающейся конфронтации. Такое положение вещей не должно существовать. Не существует извечного зла в природе человека. Не существует ничего такого, что не может быть изменено сознательным целенаправленным социальным действием, снабженным информацией и поддержанным легитимностью»³⁴.

Следует согласиться с выводом Г.В. Задорожного о том, что «информация, несущая в себе знания, может не содержать оценочных суждений, т. е. находиться *вне* нравственного поля. Но способы, методы и пути ее использования определяются *людьми*, выбор которых всегда должен быть *нравственным* и *социально ответственным*. Этот выбор нельзя перепоручать даже самым «умным» машинам, функционирование которых не может всесторонне учесть многообразие истинно человеческих отношений и «расширяющийся порядок человеческого сотрудничества» (Ф. Хайек). Выбор всегда должен оставаться за

³⁰ «Круглый стол» журнала «Вопросы философии», посвященный обсуждению книги Н.Н.Моисеева «Быть или не быть... человечеству?» // Вопросы философии, 2000, № 9. – С. 5-6.

³¹ Сакайя Т. Стоимость, создаваемая знанием, или история будущего // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология / Под ред. В.Л.Иноземцева. – М.: Academia, 1999. – С. 348.

³² Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура: Пер. с англ. под науч. ред. О.И.Шкаратана. – М.: ГУ ВШЭ, 2000. – С. 194.

³³ Переосмысливая грядущее // МЭ и МО, 1998, № 11. – С. 8.

³⁴ Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. - С. 513.

разумом, за одухотворенным человеческим интеллектом»³⁵.

Далее. Практическое использование знания для социально-экономического развития требует конкретизации его теоретического анализа, т. е. в этом аспекте недостаточно утверждения о том, что знание обладает свойством всеобщности. На наш взгляд, необходим двухуровневый анализ феномена «знание». На первом - личностном уровне знание является внутренним фактором сознания человека, источником его постоянного стремления к созданию единого цельного знания о мире («universum»), которое может реализовываться только в *ценностноориентированной* среде, а поэтому в условиях глобализации становится постоянной «проблемной» областью, вокруг которой должны формироваться способы и формы реализации технической стороны хозяйственной жизни. На втором - микроэкономическом уровне знание выступает как фундаментальное основание интеллектуального капитала компании, функционирующее в трех основных формах: «живое» знание (творческие способности и инновационно-качественные характеристики работника), овестьствованное знание (техника, технологии, организационно-управленческие системы) и знаниеосодержащая информация (патенты, лицензии, торговые марки, методические рекомендации, научные сообщения и пр.).

При этом акцентируем внимание на то, что лишь «живое» знание обладает способностью к самовозрастанию как рефлексивное, наиболее гибкое, открытое и самонакопительное с точки зрения конкурентных преимуществ компании. Теоретические знание одновременно выступает источником трех указанных форм знания и формирования социального окружения (внешней среды) фирмы. «Живое» знание в условиях формирования экономики знаний реализуется в новом общественном практическом феномене, получившем название «интеллектуальное предпринимательство».

Интеллектуальное предпринимательство как форма реализации экономики знаний и основа обеспечения устойчивого развития

Повышение роли знаний и интеллекта в общественном производстве становится новой закономерностью социально-экономического развития общества. Это подтверждается тем изложением, которое нашло отражение в первых двух частях данной статьи. Однако, если посмотреть на историю развития человечества, то практически все его достижения были основаны на знании, но почему-то об этом не принято было говорить. Видимо, это связано с тем, что все же определяющими ресурсами развития производства были иные факторы, суть и значение которых глубоко и всесторонне исследованы политической экономией.

Сегодня складывается такая ситуация, что нужны не просто знания (как было в прежние века), а необходимы знания о знаниях. Именно последние обеспечивают прорыв в развитии общественного производства в широком плане, а в узком вооружают владеющих такими знаниями новейшими технологиями, в том числе и современной очень жесткой конкурентной борьбы и победы в ней.

Поскольку все более явно ощущается, что сознание человека становится новым предметом труда, то и знание об этом предмете труда, о возможностях воздействия на него становятся самыми ценными и наиболее прибыльными. Производитель, который в современном мире господствует на рынке благодаря агрессивной рекламе и технологиям манипуляции сознанием потребителя, формирует потребности, вкусы и предпочтения последнего. Он наперед просчитывает выигрышные варианты своего поведения, а затем уже под них формирует потребителя. Но данная сторона современного бизнеса пока еще находится в тени массового сознания и создается впечатление, что успешные предприниматели лишь улавливают настроения потребителей, их ожидания, изменяющиеся потребности, а только затем создают товары или услуги для удовлетворения.

---

³⁵ Задорожный Г.В. Интеллектономика как мировоззрение нового века // Социальная экономика, 2002, № 3. – С. 23.

Такой бизнес не может вестись «по старинке». Он требует больших интеллектуальных усилий, обширных теоретических и эмпирических знаний не столько о настоящем, сколько о наступающем будущем. Именно потребности «из будущего», удовлетворение которых связано с созданием комфортных условий для потребителей, уменьшением для них социальных рисков, занимают таких предпринимателей, станут основанием развития их бизнеса, обеспечивают надежную нишу на потребительском рынке. По своей природе данный вид предпринимательства не может сравниться с классическим предпринимательством, которое исследовал Й. Шумпетер и его последователи. Он получил название интеллектуального предпринимательства. «Интеллектуальное предпринимательство, - пишет С. Квятковский, - можно рассматривать как исключительное, даже экстремальное и идеальное явление в сфере бизнеса, понимаемого как часть успешной предпринимательской активности в современном обществе знаний. Этот вид предпринимательства полностью отвечает ряду современных экономических концепций, включая концепции интеллектуального капитала и наукоемкой продукции, а также весьма популярную ныне концепцию знания, генерируемого в процессе производства»³⁶.

Под интеллектуальным предпринимательством, на наш взгляд, следует понимать особый вид деятельности предпринимателей-интеллектуалов по созданию благоприятных условий для удовлетворения сложных потребностей человека, направленных на его развитие и формирование будущего, основанный на постоянно обновляющемся знании интеллектуалов, их способности к абстрактному мышлению как предпосылке определения и предупреждения социальных рисков.

Предприниматели-интеллектуалы создают продукты с особыми свойствами. К основным свойствам продуктов интеллектуального предпринимательства следует отнести неограниченную возможность диверсификации, инновационную направленность на каждого отдельного человека в конкретном месте и в конкретное время, вещественно или идеально воплощенный результат применения знания как реализации «творческой деструкции» (прохождение производственного пути от творческого нарушения сложившегося равновесия к восстановлению локального рыночного равновесия через создание инновационного продукта). При этом следует подчеркнуть, что творческое нарушение равновесия становится постоянным основанием развития интеллектуального предпринимательства. Предприниматель-интеллектуал не может останавливаться на достигнутом, ибо при современном развитии техники и технологий временной лаг между реализацией им своей идеи и реализацией ее конкурентами сокращается до минимума. Поэтому постоянный поиск новых идей, концепций, направлений кардинального усовершенствования продукта становится закономерностью интеллектуального предпринимательства.

Для того, чтобы быть «на гребне» волны современной конкуренции предпринимателю-интеллектуалу чуждо узкое «тоннельное видение» поля своего бизнеса, ему необходима самая широкая мировоззренческая и научная подготовка, а критическое мышление и овладение медиационной технологией становятся необходимыми умениями предпринимателей-интеллектуалов. При этом главным их профессиональным свойством является не просто умение усваивать наличные знания, но им становится развитие абстрактного мышления, умение проводить медиативный поиск в рамках мировой и национальной культуры, опираться при принятии управленческих решений на этические принципы хозяйства, что требует широчайшего образования и фундаментальных знаний, «начиная с лежащих, как известно, в основе любого, даже самого рационального, их вида интуитивных форм и включая понимание стилей и смыслов жизни»³⁷.

Предприниматель-интеллектуал не «зацикливается» на технологиях, истинной его

---

³⁶ Квятковский С. Интеллектуальное предпринимательство и стабильное экономическое развитие в постсоциалистических странах Европы // Проблемы теории и практики управления, 2002, № 3. – С. 23.

³⁷ Шелов-Коведяев Ф.В. Какая экономика нам нужна? // Мир России, 2005, № 1. – С. 162.

заботой становятся идеи, которые могут рождаться творчеством нестандартным мышлением, широчайшей образованностью.

В этом плане особую значимость приобретает этическая, культурная сторона дела, на которую все больше и больше акцентируют внимание зарубежные исследователи. «В соревновании между странами, экономическими регионами, корпорациями и отдельными предпринимателями победителем выходит тот, кто сумел адаптировать свою стратегию развития (на базе сильных и слабых сторон) к наиболее значимым и постоянным особенностям окружения. Проигравшими оказываются конкуренты, не добившиеся успеха во внедрении необходимых инноваций и создании адекватной культурной и хозяйственной обстановки»³⁸. Но более веской причиной повышения значимости культуры и этики является то, что наиболее прогрессивно мыслящие западные ученые уже давно обеспокоены тем, что экономика потребления исчерпывает себя, а нравственность загнана на задворки повседневной жизни. Поэтому вновь востребованными становятся «знания о вне рыночных ценностях и нерыночных механизмах регулирования изрядной части общественных благ, о значении нравственности в экономике и социуме, о необходимости самоконтроля науки совестью»³⁹. Этические знания и нравственные смыслы становятся тем, что во многом должно определять действия предпринимателя-интеллектуала. Этого требует современное развитие, которое должно стать устойчивым не только в экономическом плане, но прежде всего в духовно-нравственном, ибо от этого зависит будущее самого человека.

Таким образом, экономика знаний становится тем главным ориентиром развития, на который должны быть направлены все стратегические и тактические решения. Знание является актуальным определяющим ресурсом устойчивого социально-экономического развития, а предприниматели-интеллектуалы, вооруженные фундаментальными знаниями и нравственными ценностями превращаются в двигатель такого развития, его обновляющую силу.

Поступила в редколлегию 5.04.2005 г.

© Хомин О.В., 2005

---

³⁸ Квятковский С. Интеллектуальное предпринимательство и стабильное экономическое развитие в постсоциалистических странах Европы // Проблемы теории и практики управления, 2002, № 3. – С. 24.

³⁹ Шелов-Коведяев Ф.В. Какая экономика нам нужна? // Мир России, 2005, № 1. – С. 165.